

— † Глава 1 † —

НАШИ ДНИ. МОСКВА

Ошибку он допустил с самого начала. Типичную ошибку новичка, от которой предостерегали все найденные им статьи и видосы. Поддался стадному чувству и стартанул слишком быстро.

Все вокруг побежали с таким энтузиазмом, что казалось немыслимым медлить, мешать другим. И он старался соответствовать. Почему-то в этот момент из головы совершенно вылетело то, что стартанул он из кластера С, тогда как по уровню подготовки годился максимум в Е.

Бегунов было много. Он в первый раз вписался в такой масштабный забег. О том, сколько сюда ввалено денег, страшно было даже думать. Перекрытые дороги столицы, полиция, на каждом шагу музыка — то грохочет из динамиков, то дают жару уличные музыканты.

Солнце сияло, улыбались и кричали болельщики. И только он сдулся.

Слишком быстрый старт, и вот результат — к девятому километру уже еле волочит ноги. Забрехала

мысль, что зря он вообще затеял все это. Но... Он ведь не каждый день приезжает в Москву. Все так исключительно совпало, и этот приезд ему хотелось оставить в памяти, отметить чем-то грандиозным.

Например, первым в жизни марафоном.

Он даже не готовился специально. Просто случайно увидел рекламу с той самой датой и заразился этой идеей. Планировал бежать медленно. Если не торопиться, то одолеть эту жуткую дистанцию вполне возможно, так ведь?

Наверное. Если бы только он стартанул в своем темпе. А он выдал такую скорость, с которой не бегал даже пять километров. И вот — вешка с цифрой 9, даже не четверть пути. А он — мертв.

Беззаботно болтая, его обогнали два парня. Они даже не старались, бежали очевидно на расслабоне. И все равно сделали его, пыхтящего и задыхающегося.

— Держись, милый! — прокричала девушка с раскрашенным лицом и из-за заграждения протянула к нему руку.

Он коснулся ее пальцев на бегу. Если бы как в кино, сейчас прибавилось бы сил... Но — нет. Лишнее движение только сожрало энергию.

Хотелось просто остановиться, перейти на шаг. Сойти с дистанции, плюнув на все. Но вокруг кричали и размахивали табличками с ободряющими надписями люди, множество людей. «Ты — гепард среди котиков!», «На финише наливают!», «Стася, не сдохни!» — каждый поддерживал либо всех сразу, либо кого-то близкого.

«Не сдохни», — зацепилась в голове мысль.

И он продолжал бежать, пропуская мимо себя, наверное, уже кластер Е.

Он пробежал под виадуком, и тут дорога пошла в гору. Мышцы застонали. Икр он уже не ощущал. Такое

случалось и на обычных пробежках, потом всегда проходило. Но теперь... Из-за неправильного старта дальше будет лишь хуже.

И подъем-то ведь смешной! Пешком бы и не заметил. Перейти на шаг? Нет!

Не сдохни. Не сдохни. Не сдохни.

Просто шагать. Всегда ведь можно сделать еще один шаг, правда? А потом — еще один, и еще. И так в конце концов можно пробежать и все сорок два километра. Если не думать о том, как тебе плохо, а просто сосредоточиться на том, чтобы переставлять ноги.

Впереди виднелась новая вешка — десять километров. Ну вот, уже почти четверть. Когда он добежит до следующей, будет уже больше четверти. Можно будет сказать себе: «Я пробежал больше четверти марафона!»

Мысли метались в черепной коробке, как монеты, подпрыгивая от каждого шага. Подпрыгивая и звеня.

Издавая звуки, пугающие его самого, он преодолел вешку. Впереди был пункт питания и освежения. Второй. Первый он пропустил, потому что несея в толпе. Многие проигнорировали возможность схватить крохотную, в четверть литра, бутылку с водой, и он не сумел пробиться через толпу. Да не особо и пытался. Тогда, на четвертом километре, жизнь казалась еще вполне приемлемой. Это сейчас она превратилась в ад.

Он принял вправо, не оглядываясь, наплевав на тех, кто будет его обгонять. Сейчас ему необходима эта вода, без нее он умрет.

Возле столиков было не протолкнуться. Он перешел на шаг. Теперь в этом не было его вины! Просто иначе ведь воды не возьмешь.

Кто-то отбегал, на его место тут же подбегал другой. И лишь он не мог никуда приткнуться. Шел и шел вдоль столиков, которые уже вот-вот закончатся.

— Возьмите! — слышался чей-то голос, и перед носом у него оказалась спасительная бутылка.

Кто-то из волонтеров заметил его затруднение.

— Спасибо! — выдохнул он. Схватил бутылку и, свернув крышку, вылебал воду.

Казалось, что желудок просто впитал ее, точно губка. Бросив, не глядя, бутылку под ноги, он протянул руку за другой и получил ее.

Потом — побежал. Медленно, кое-как, но — побежал. Впереди замаячил мост. Он открыл вторую бутылку, сделал пару глотков и, закрутив крышку, продолжил бег. Бутылку выбрасывать не спешил, как другие бегуны, для которых каждый грамм лишнего веса имел значение. Для него имела значение только вода.

Как будто бы стало полегче. За время паузы икры пришли в себя и теперь снова ощущались. Окаменевшие, перенапряженные, но он мог их чувствовать.

Пожалуй, есть шансы все же добежать. Главное — не гнать больше. Бежать с черепашьей скоростью, но все же бежать. Пусть финишировать последним, но — финишировать. И этот солнечный день все же свяжется в воспоминаниях с победой!

Очень солнечный. Очень жаркий день. Невероятно жаркий...

Он снова прижался губами к горлышку бутылки, не останавливая бега. Бутылка быстро закончилась, и он, отшвырнув ее, засмеялся, глядя в небо.

Так легко и хорошо ему не было никогда в жизни. Это и называют эйфорией бегуна? Наверняка, что же еще.

Только вот эта жара...

Он схватился за ворот майки и разорвал ее с треском на две части.

— Я Халк Хоган! — заорал он и, подпрыгнув, повернулся в воздухе на триста шестьдесят градусов. — Халк Хоган, и я всех порву, как эту майку!

Еще один прыжок. Приземлившись, он покачнулся, и в него врезался бегун. Буркнул что-то оскорбительное и помчался дальше.

Он захохотал ему вслед. Хотел было догнать и порвать, будто майку, как обещал. Но ноги сами пустились в пляс.

— Какой чудесный день, какой чудесный мост! — пел он, размахивая руками.

Бегуны огибали его по широкой дуге. Кто-то pokrutil пальцем у виска. Впрочем, никто особенно не удивлялся. В марафоне принимало участие множество фриков. Вот, например, парень в клоунском костюме пробежал мимо, издавая смешными ботинками пищащие звуки.

Он расхохотался. День был прекрасным. Самым лучшим в жизни. Если бы не эта жара...

— Жара! — взревел он и повернулся лицом к зрителям.

Те отпрянули от временного ограждения. И испуг на их лицах показался ему еще смешнее клоуна. Он продолжал танцевать, глядя на них, скаля зубы в улыбке. И вдруг в голову пришла прекрасная мысль. Под мостом поблескивала гладь реки. Такой холодной, чистой, приятной. Наверное, нырнуть туда — это все равно что в объятия матери. Да, именно в объятия матери.

— Мама! — взвыл он и побежал.

Прыгнул, снес временное ограждение и вскочил на чугунный парапет.

На нем, не удержавшись от соблазна, исполнил еще несколько па своего танца, что-то напевая себе под нос.

Увидел несущихся к нему полицейских. И, издав смешок, прыгнул.

Никогда в жизни он не делал сальто назад. А теперь — получилось. Он был всемогущим! Он мог бы проплыть всю эту реку до океана, или куда она там впадает, а потом переплыть оке...

Резкая боль в левой части груди. Онемение в левой руке. И все мысли замерли.

Он смотрел в голубое небо, на фоне которого плыл Крымский мост со множеством людей, перегнувшихся через парапет. Он летел. И осталась только одна мысль: «Мама».

А потом и она пропала. Пришла тьма.

О воду ударилось уже безжизненное тело.

— † Глава 2 † —

НАШИ ДНИ. МОСКВА

Мама, несмотря на уговоры Вероники, все-таки разволновалась.

— У тебя точно все хорошо?

— Совершенно точно, не беспокойся. Просто вылет задерживается. Только что еще раз перенесли, на два часа. Говорят, Москва не принимает из-за погодных условий. Когда будем в самолете, я тебе напишу.

Вероника сбросила звонок. Снова посмотрела на табло. Ничего не изменилось: напротив номера рейса — надпись «DELAYED» и время вылета, 02:15.

Вероника вздохнула. Покачала в руке телефон и пошла обратно, в лаунж-зону аэропорта. Идиотская ситуация: в отель ночевать не поедешь. Если рейс действительно отправят в два пятнадцать, то все, что можно успеть сделать, — смотаться до отеля и обратно.

Однако велика вероятность, что рейс снова перенесут. И в два пятнадцать просто объявят новое время вылета. Восемь ноль-ноль, например.

Тимофеем превратности судьбы переносил стоически. Улегся в кресло, заткнул уши наушниками и перестал существовать для реального мира.

Вероника теоретически могла сделать то же самое, проспав посадку на самолет им не позволят — нахождение в лаунж-зоне не зря стоит столько же, сколько номер в хорошем отеле. Но спать в кресле ей не хотелось, как не хотелось халявных закусок и напитков. Ей вообще хотелось только одного: поскорее оказаться дома. Слишком уж насыщенными получились последние два месяца. Мюнхен, потом внезапно — Антарктида, потом, не менее внезапно, — путешествие на райские острова.

На островах было хорошо. Вероника отоспалась, отогрелась и накупалась на год вперед. Реально — отпуск мечты! Подруги, которым отправляла фотки, завидовали лютой завистью.

Они ведь не знали, через что ей пришлось пройти. О кровавом кошмаре Антарктиды. И о том, как теплилась в глубине души надежда: Тиша не просто так решил устроить этот отпуск. Казалось, что, пройдя через Антарктиду, против воли погрузившись в воспоминания детства, он и правда стал чуть-чуть больше похожим на человека.

Безумной красоты океан. Мельчайший, удивительно приятный на ощупь песок. Солнце, пальмы! Островитяне — неизменно улыбающиеся. Знающие, разумеется, о том, что существует жизнь за пределами их островов, но не очень понимающие, для чего. Зачем вообще жить, если постоянно решать какие-то проблемы?..

Веронике казалось, что здесь, в этой атмосфере любви и безмятежности, просто невозможно не растаять. Увы, только казалось.

Тимофей не изменился. Вообще. Все те же отстраненность и равнодушие к окружающему миру. В ледяной Антарктиде он чувствовал себя более живым, чем тут.

«Ну а на что ты надеялась? — грустно сказала себе Вероника на третий день отпуска, глядя на Тимофея, лежащего в шезлонге под зонтиком. В темных очках и неизменных наушниках, в костюме для плавания, защищающем кожу от ультрафиолета. — Вот такой он человек. Самому с собой, в своем мире ему лучше, чем в реальном. А был бы Тиша другим — не было бы гениального Неона... Ну и ладно. В конце концов, других и без него полно».

Вероника твердо решила не портить себе настроение и наслаждаться каждой минутой. Она ездила на экскурсии и морские прогулки, каталась на багги, ныряла с аквалангом, пила коктейли и отплясывала на вечерних дискотеках.

Все ли у нее хорошо? Да, конечно, лучше не бывает! Только отпуск в итоге получился таким бурным, что теперь не мешало бы пару дней от него отдохнуть. Оказаться наконец дома, в своей любимой квартирке. Убедиться, что Вован действительно дважды в неделю приходил ухаживать за единственным обитателем — бонсаем в горшке. Который, между прочим, сам и подарил...

Вероника, ворча, устроилась в кресле. Покосилась на Тимофея, который лежал в той же позе, что и в шезлонге на пляже. То есть ничем не отличался от мумии вождя туземного племени — Веронике показывали ее на недавней экскурсии.

Тимофей на экскурсии не ездил. Он вообще не понимал, для чего смотреть на что-то своими глазами, если то же самое можно с любого ракурса в отличном разрешении рассмотреть в интернете.

Вероника решила брать пример с начальника и тоже приняла позу мумии. Вдруг и правда уснет? Перед сном по привычке потыкала в новостную ленту.

Глаз зацепился за слово «Неон». Это было нормально: имя популярного блогера встречалось с завидным постоянством. И обычно Вероника могла сказать, что содержит новость, не открывая ее. А сейчас — что-то неожиданное.

«Знаменитому сыщику бросили вызов».

Интересно, когда успели? Тиша не появлялся в Сети все то время, что они были на островах, почти три недели. Сказал, что после Антарктиды ему нужна перезагрузка. Может, она чего-то не знает?

Вероника коснулась ссылки. Шоу на каком-то третьеразрядном канале, название говорит само за себя: «Тайны прошлого».

Большой экран, показывающий черно-белую фотографию: цепочка лыжников в одежде из тех времен, когда мама Вероники была молодой. Лыжники улыбались и махали руками. Девять человек. Поперек фотографии кроваво-красная надпись: «Трагедия горы Мертвецов: кто виноват?»

Гора Мертвецов... Память подсказала, что это какая-то нашумевшая история. Давным-давно, еще при Союзе, туристы ушли в лыжный поход и не вернулись. Кажется, так.

Под экраном стоял круглый стол в окружении кресел. Как водится на подобных шоу, пока было занято единственное, в нем сидел ведущий. Вероника, присмотревшись, опознала некогда известного, но с возрастом вышедшего в тираж актера.

Ведущий принялся рассказывать о трагедии на горе Мертвецов. Вероника зевнула и промотала ролик на полчаса вперед. Для того, чтобы увидеть, что в крайнем правом кресле появился Вован. Изображающий серьезность и деловитость, с новыми запонками в рукавах новой рубашки.

«Неон. Videоблогер. Эксперт в области расследования криминальных загадок прошлого», — появилась надпись на экране, когда Вована показали близко.

Вован, привычно работая лицом на камеру, сидел в кресле и глубокомысленно помалкивал. Время от времени поправлял дизайнерские очки на носу. Это был аксессуар, составляющий часть образа. Стекла очков — обыкновенные, без диоптрий, на зрение Вован не жаловался. Он вообще отличался завидным здоровьем. По мнению Вероники, это была компенсация от природы за отсутствие мозгов. Вот, спрашивается, какого рожна приперся на какое-то занюханное шоу? Что он тут забыл? Пришлось смотреть ролик с начала.

Почти сорок лет назад группа студентов одного из уральских вузов ушла в лыжный поход. Опытные, отлично подготовленные ребята во время зимних каникул собирались пройти не самый сложный маршрут — подняться на так называемую гору Мертвецов. Ушли девять человек. Вернулись только четверо, трое парней и девушка. Пятеро навсегда остались на горе. Девушка через сутки умерла в больнице. Трое парней вскоре погибли при странных обстоятельствах.

— Неудачи преследовали группу с самого начала, — рассказывал ведущий. — Еще до похода заболел один из участников, и руководителю группы Олегу Лыкову пришлось срочно искать замену. Далее — очень не повезло с погодой. Обильные снегопады, сильный ветер. Туристы с трудом продвигались по маршруту. А на чет-

вертую ночь случилась трагедия. На палатку, которую ребята разбили на склоне горы Мертвецов, сошла снежная лавина. Гора как будто мстила туристам за то, что они потревожили ее покой. Одна из тамошних легенд гласит: все живое, что попадет на гору Мертвецов, навсегда останется там. Коренные местные жители не зря испокон веков обходили эту гору дальней дорогой. И, вероятно, не просто так советовали туристам не приближаться к ней.

Дальше пошли подробности, сопровождаемые фотографиями на большом экране. И Вероника, которая поначалу слушала ролик на скорости полтора, переключилась в нормальный режим.

Лавина сошла на палатку ночью. Это было абсолютной неожиданностью, никогда прежде в тех местах лавины не сходили. И вдруг — огромная снежная плита весом, как установили потом, около двух тонн, тронулась с места и поехала вниз. Погибли четверо туристов, тяжелая снежная масса их буквально размазала. Ночь, снегопад, ураганный ветер снаружи, стоны боли внутри.

Те, кто не пострадал, сумели выбраться. Принялись раскапывать лавину. Выла метель, руки и ноги обмерзали на ветру. Один из пострадавших умер сразу после того, как его сумели вытащить. Еще трое признаков жизни не подавали с самого начала. Еще одна девушка была тяжело ранена — раздавлены ребра с правой стороны, правая рука и нога. А еще вдруг выяснилось, что пропал девятый турист, парень по имени Гриша. Среди уцелевших его не было, а среди погибших Гриша находиться не мог. О современных спальных мешках в те времена приходилось только мечтать. Самым простым и распространенным вариантом для зимней ночевки был самодельный конверт, два сшитых по краю одеяла из капрона и синтепона. В получившемся большом

спальнике помещались три человека, так было теплее. Гриша лежал в том же спальнике, что и двое выживших. Лавина до них не добралась. Один из парней вспомнил, что сквозь сон ему показалось, будто незадолго до лавины кто-то выходил из палатки.

Искать Гришу сил уже не было. Покричали, посигналили фонарями, запустили ракеты, но Гриша не появился. Решили, что он, вернувшись, лег не на свое место, а между спальниками, чтобы не беспокоить других, и его тоже раздавило насмерть. Выжившие занялись транспортировкой вниз травмированной девушки.

До цивилизации добирались около трех суток. Без палатки, почти без еды, без многих необходимых вещей, с раненой девушкой на руках. Ее удалось довести живой до обитаемых мест и переправить в больницу. Через сутки девушка умерла при странных обстоятельствах. Последними ее словами были: «Мы нарушили покой горы Мертвецов! Гора заберет нас всех».

А Гришу нашли спасатели, метрах в тридцати от палатки. Друзья в темноте и беснующейся метели его не увидели. Гриша лежал раздетый, без обуви, вокруг была разбросана одежда. Снег в радиусе двух метров утопан босыми ступнями. Как будто перед тем, как замерзнуть насмерть, парень танцевал на снегу.

Из тех троих, что вернулись в родной Екатеринбург — тогда он назывался Свердловском, — один упал с моста на речной лед и разбился насмерть. Другого сбил грузовик. Третий и последний оставшийся в живых, руководитель группы Олег Лыков, повесился в спортзале вуза на баскетбольном щите.

Вероника поехала. Истории, отдающие мистикой, вслух она обычно высмеивала, но в глубине души всякой необъяснимой потусторонщины опасалась.

лась. И искренне не понимала, чем надо было думать, чтобы лезть на гору с таким завлекательным названием. Других гор мало, что ли?

А за круглым столом в студии постепенно рассказывались приглашенные.

Толстая тетка характерной внешности, в национальных одеждах с бахромой и замысловатыми узорами, положила на стол перед собой бубен.

«Евья. Потомственная шаманка. Свидетельница трагедии», — сообщила надпись на экране.

— Я тогда малая была, — принялась рассказывать Евья. — Помню их. Приходили, потревожили наше капище. Над идолами смеялись. — Она роняла слова резко и отрывисто. — Мой дед — тогда он самым сильным шаманом был — встретил их. Пожалел, они были молодые и глупые. Дед сказал — не ходите на гору Мертвецов! Беда случится. Но они не послушали. Пришлые люди не верят в духов, а духи мстят! — Евья вытаращила глаза и уставилась на бубен.

— То есть верно ли я понимаю? — вмешался ведущий. — Туристы погибли из-за того, что позволили себе насмеяться над духами?

Евья посмотрела на него, как смотрят на назойливую муху. Прощедила:

— Мой народ почитал духов от начала времен! Поклонялся им. Мой дед говорил с духами, моя мать говорила с духами. Их дар передался мне. Мой род ведет свою историю много веков! Мы возносим духам молитвы, они дарят нам то, о чем мы просим. А ваш народ своих богов давно позабыл. Вы верите в то, что вам нужно сейчас. В то, во что выгодно верить. Когда-то вы променяли своих богов на чужого Христа. Потом свергли и его. Верили в Ленина, Сталина, коммунизм. После разуверились и в них, сейчас у вас новый бог —

деньги. Вы пришли на землю, которая веками принадлежала нам! А сами даже не знаете, какого вы рода и племени. Мой народ мал, но духи наши сильны. Вы не верите в них — тот, кто предал своих богов, не уважает чужих. Молодые и глупые оскорбили духов. А духи обид не прощают.

Бубен, лежащий на столе перед шаманкой, вдруг тонко загудел, словно в него ударил кто-то невидимый.

Вероника вздрогнула, ведущий тоже. Он даже под стол заглянул, чтобы проверить: может, шаманка ударила ногой по столешнице?

«Ну и взгляд у нее, — мелькнуло в голове у Вероники. — Не хотела бы я, чтобы на меня так уставились. Даже сквозь экран — нехорошо как-то».

Ведущий, судя по всему, тоже почувствовал себя неуютно. Налил из бутылки воды в стакан. Вероника готова была поспорить, что, когда пил, подавился, но этот момент при монтаже вырезали.

— Благодарю вас, Евья, — сказал ведущий. — А теперь послушаем Михаила Рыжова, непосредственного участника событий!

Появился потрепанный мужичок лет шестидесяти. Это был тот человек, который сорок лет назад заболел и не пошел в поход.

Михаил Рыжов, помявшись, неохотно признался, что болезнь была липовой. От похода его отговорила бабушка — уроженка тех мест, куда собирались туристы. Бабушка буквально в ногах валялась у единственного внука, умоляя не ходить на гору Мертвецов. Парень поначалу упирался, но после того, как вынужден был среди ночи бежать в аптеку за сердечными каплями, упираться перестал. Соседка по дому, где парень жил вместе с бабушкой, работала в районной поликлинике. На следующий день у Михаила Рыжова образовалась справка о болезни, и в поход он не пошел.

— Почти тридцать лет, как бабушку похоронил, — убито закончил Рыжов. — А до сих пор помню, как она меня умоляла не ходить. Сперва-то я молчал, а потом понял, что не могу больше. Нужно рассказать правду.

— Гибель группы — моя вина, — объявил вдруг третий человек, появившийся в студии. Седой представительный дяденька в красивом пиджаке.

«Иннокентий Быстрицкий. В 1988 году — аспирант 2-го курса УТИ, руководитель туристического клуба», — прокомментировала надпись.

— Тогда я, увы, этого не понимал. Мы были молоды, амбициозны, на спортивные достижения молиться были готовы. Гора Мертвецов? Ха! Что за предрассудки? Коренные жители боятся — так на то они и туземцы, дикие и малообразованные. А у нас двадцать первый век на носу. Нам ли бояться бабкиных сказок? Поднимемся и флаг на вершине поставим, в знак победы разума над суевериями! Это для туземцев — священная гора, а для нас всего лишь маршрут третьей категории сложности... Вот с таким настроением ребята ушли. Я лично их провожал и напутствовал. Если бы только представить мог! Никогда себе этого не прощу. — Иннокентий Быстрицкий закрыл лицо руками.

Он произносил эти слова явно не в первый раз, но переживал, кажется, вполне искренне. До сих пор ругал себя за то, что позволил группе отправиться к злополучной горе.

В разговор снова вступил ведущий.

— Итак, по версии выступающих, случившееся с группой Лыкова — месть горы Мертвецов. То есть мистика в чистом виде! А теперь давайте послушаем тех, кто не верит в мистику. Их оппонентов.

Первым из оппонентов оказался бородатый мужчина, сухощавый и загорелый до черноты, председатель